

ТРОПАМИ ДЕТСТВА

Поговорка: «Каждый кулик свое болото хвалит» в Карабахе толкуется по-своему, по-карабахски. Здесь не хвалят свою деревню, свой сад, свой дом. Мол, то, что они хороши, это само собой разумеется, и хвалить — все равно что доказывать: солнце восходит на востоке. Совсем другое дело, когда речь идет о соседней деревне, соседском селе, доме. Тут уж берегись. Что там эпиграммы, что там дружеские шаржи?! Мелочи. «Да разве у такого-то в деревне есть родниковая вода? От нее ишакидохнут». «Да разве у того-то в саду ореховое дерево можно назвать деревом? Час просидишь под ним, и голова заболит». «У того-то дома даже мыши хвастунишки. Так что же говорить о кошках?» И все в таком духе. И все это не мешает жениться на девушке из соседней деревни, ходить к соседу в дом, делить его счастье и горе, посидеть в его саду часок-другой за азартными и задорными нардами. Мало того, стоит карабахцу выехать за пределы области, как для него перестают существовать такие «мелочи», как деревня, сад, дом. Он воспринимает Карабах как целое, как деревню, сад, дом.

Именно так я думал о нем, работая на Камчатке. И вот после долгой разлуки с Карабахом я добрался с Камчатки до Евлаха, откуда мне предстояло доехать на такси до Степанакерта. Шофер старой дребезжащей «Волги» был азербайджанец, родом из Агдама, что в двадцати пяти километрах от Степанакерта. Дорога длинная, шофер, мой сверстник, оказался человеком словоохотливым, так что мне повезло. Говорили сразу на трех языках — азербайджанском, русском и армянском. После двух выкуренных сигарет мы невольно перешли не только на «ты», но и к реализации формулы «каждый кулик...» в карабахской интерпретации, разумеется.

— Что твой Агдам, — говорил я, — вот мой Степанакерт — другое дело. Чистый, уютный.

— С чего это быть ему чистым? — парировал шофер. — От дождя, что ли, которого вот уже два лета мы не видим?

— Почему от дождя? Столько родников в Карабахе. И каких! От них до Степанакерта рукой подать. А твой Агдам пьет речную воду.

— То-то за нашей речной водой степанакертцы на машинах приезжают.

Мне не верилось, что это так, хотя уже слышал об этом. И сейчас даже как-то пал духом. Закурив очередную сигарету, уткнулся в стекло и молча разглядывал знакомые с детства контуры гор.

— А помнишь нашу «кукушку»? — нарушил я недолгое молчание. — Ведь железная дорога начиналась не где-нибудь, а из Степанакерта, откуда новобранцы ездили на фронт и куда привозили раненых.

— Как не помнить! — весело сказал шофер. Чувствовалось, что воспоминание о «кукушке» обрадовало его. — В нашем саду было много айвы и гранатов. Каждый раз, как поезд останавливался в Агдаме, мы с пацанами угощали ими солдат и раненых. Но это было тогда, во время войны. Сейчас железная дорога от Степанакерта до Агдама травой поросла. А от Агдама до Евлаха, стало быть, до Баку, до Москвы, идет не какая-нибудь там «кукушка», а настоящая широкая колея.

Игра шла своим чередом, но для меня вдруг она потеряла всякий смысл. Мне подумалось, что я в чем-то виноват. Может, в том, что уехал так далеко, а без меня не могут провести воду в город, без меня железная дорога травой поросла. Я поник и уже почти не слушал веселой болтовни шофера. Видимо, он заметил эту перемену во мне и с улыбкой, успокаивая, сказал:

— Да не переживай ты. Красив он. Красив по-прежнему твой Степанакерт. Вот приедем, увидишь. Увидишь и не узнаешь своего города.

Я и в самом деле не сразу узнал Степанакерт. Правда, даже те дома, которые были построены после меня, казались родными, какими-то знакомыми, но все же это было не то. Города, как люди. Когда живешь рядом, вместе, каждый день вместе, то не замечаешь перемены. А тут как-никак те, кто родился в год моего отъезда, успели уже школу окончить. Восемнадцать лет. Целое поколение. Именно столько я жил со дня рождения в Степанакерте. За время разлуки я повзрослел, если можно так выразиться, в два раза.

Родные мне не раз писали на Камчатку, что наш дом подлежит сносу. Но так его и не тронули. Да и грешно было бы сно-

силь добротный домик с двумя уютными комнатами, просторной верандой, симпатичным садиком.

Встретила меня тетя. Родная сестра отца. О ней стоит рассказать особо. Рос я без отца и матери, у тети и деда. Первые два года войны ходил в детский сад. Помнится, как мы не любили спать днем и всяческими путями старались увильнуть от раскладушки. Может, поэтому мне хорошо запомнилось, как трижды за первые два года войны меня освобождали от дневного сна. Первый раз я с радостью побежал домой. Но потом... Потом я уже знал, что раз отпускают, значит, дома несчастье. Пришла очередная похоронная. Погибли три сына тети. Их было трое, и все трое погибли.

В ту тяжелую годину в нашем доме, не считая старого деда, я был единственный... мужчина. Носил воду. Заготавливал дрова. И когда после в школе учил наизусть: «Отец, слышишь, рубит, а я отвожу», — я знал, что это не про меня. Я сам и рубил, и подвозил. С дровами было легче. За время каникул я успевал заготавливать на зиму. Каждый день восход солнца встречал в лесу. Куда труднее было с водой. Вода — не дрова и не сушенная фасоль, ее много не заготовишь.

Носить воду приходилось издалека и конечно каждый день, зимой и летом. И я носил. Больше некому было. Я тогда же мечтал: вот вырасту, буду работать, куплю деду хорошую сумку, она у него была старенькая, залатанная, тете куплю теплую черную шаль, а Степанакерту непременно проведу воду. Ведь так много воды в лесах и ущельях Карабаха.

Вырос. Стал работать. Живу далеко от родных мест. Сумку деду не купил. Не успел. Скончался мой добрый гений, мой учитель, мой мудрый дед, который хлеб резал стоя. Тетя, слава Богу, жива. Помогаю, как могу. По-прежнему она ходит только в черном. Я ее никогда не видел простоволосой и только потом узнал, что она просто стесняется своих черных волос. «Бог решил посмеяться надо мной, — не раз говорила она, — принес столько горя, а волосы не седеют. Что подумают люди?»

Что же касается воды для Степанакерта, то, повзрослев, я, конечно, расстался с детской мечтой, тем более что был уверен: воду проведут в город и без меня.

Сразу же после встречи с тетей я узнал, что в одной из комнат живут две девушки-студентки. Мне как-то стало не по себе. Неловко стало. Ведь квартирантов держат не от хорошей жизни. Но тетя очень быстро успокоила меня.

— Мне никак нельзя без девушек, — сетовала она. — Вот кабы вода шла из крана, другое дело, а то ведь за тридевять земель топать надо. А девушки молодые, быстроногие. Так что мне никак без них нельзя.

Побыв неделю дома, я отправился в дорогу. По Карабаху, по знакомым еще в школьное время каникулярным тропам.

Я ездил и ездил по Карабаху и все время думал о тете, которой носят воду чужие люди и которой особенно тяжело в летнее время. Именно летом проблема воды в Степанакерте становится особенно острой, и именно летом девушки-студентки, квартирантки тети, уезжают на каникулы к родным в деревню. Правда, несладко бывает и зимой, когда замерзают трубы...

Три десятка лет назад в черте города был один-единственный слабосильный источник, который назывался «Три крана». Этот источник был неприступной крепостью для мальчишек, ибо, чтобы набрать ведро воды, надо было занять очередь ночью. Вот они и ходили в любую погоду за тридевять земель. В то тяжелое время некогда было, да и не на что было решать эту, казалось бы, частную проблему. Шутка ли, из стотридцатитысячного населения Карабаха сорок пять тысяч были на фронте. Но с тех пор прошло много лет, много воды утекло из «дармовых» источников области, а воз и поныне там. Когда я подошел к очереди у «Трех кранов», я увидел, что она по крайней мере в два раза больше той, которая была прежде. И это естественно. Население Степанакерта увеличилось в три раза.

Недостаток воды, разумеется, плохо сказывается и на строительстве. Некоторые стройки приостановлены только потому, что цемент нечем разводить. Строители какого-нибудь участка ждут своей очереди, когда им по лимиту отпустят воду. И тем не менее город растет, хорошеет, цветет, зеленеет. Люди умеют приспосабливаться к недугу. Как и везде, по всей стране, дома в Степанакерте растут как грибы. Как и везде, строитель здесь самый почетный человек. Собственно, профессия строителя у армян славилась всегда.

Похорошел город... Там, где стоял приземистый деревянный домишко, сейчас красуется красногрудое здание музыкального училища. Там, где находился овраг, собиравший все ливневые воды, сейчас расположился уютный стадион.

Город носит имя Степана Шаумяна. Когда-то у въезда в город был установлен памятник выдающемуся революционеру-

ленинцу. Сегодня памятник этот уже находится в центре города, так разрослась столица Нагорного Карабаха.

Может быть, такому большому городу не хватает запасов воды? Но нет. На этом клочке земли одних только ценных минеральных источников насчитывается сто двадцать, а «простых» ключей с достаточным дебитом воды тьма-тьмушная. Специалисты определили, что минеральная вода в местечке Туми, например, ничем не уступает знаменитому нарзану. И дебит у родника довольно мощный — 500 тысяч литров в день. Он впервые научно описан одним из исследователей Карабаха И. В. Фигуровским еще в 1925 году. Но до сих пор эта ценная вода течет в тартарары, а рядом районный центр Гадрут задыхается от жажды.

Десять лет назад государство выделило на строительство степанакертского водопровода один миллион рублей. Но по вине проектировщиков и строителей эти деньги вылетели в трубу потому, что настоящие, всамделишные трубы не выдержали напора на стыках и изгибах. Пришлось свалить все на необузданность стихии. Газета «Советакан Карабах» напечатала статью «Путь воды стал еще длиннее». Там, в частности, есть такие строки: «Если верить акту горкоммунхоза, то ливень, пройдя по городу, сумел-таки “пробурить” асфальтированные улицы на полтора-два метра, добраться до труб, расстыковать их. Ливень и снегопады у нас действительно частые гости. Но никто из жителей города 28 апреля не видел на улицах (Маргунни, Орджоникидзе, Кирова и т. д.) каких-либо следов стихии». Тем не менее акт был составлен, и государство доплатило еще 110 тысяч рублей. И... в городе опять нет воды.

Все чаще я вспоминал того мальчишку, который на старых пожелтевших фотографиях так похож и не похож сейчас на меня. Он мечтал о том, чтобы старухи не носили воду издалека, сгорбившись под тяжестью глиняного кувшина. Не раз мальчишка спешил взять у старенькой женщины кувшин, а она плелась за ним и все причитала, обещала от имени Всевышнего счастливое будущее. Мальчишке очень нравились эти слова старой женщины, одетой в уже выцветший хлег, старинное одеяние армянских бабушек. Милой моей бабушки Гурум уже нет в живых. Сегодня редко кто из степанакертских бабушек носит хлег, но, как и прежде, спешат им навстречу мальчишки, чтобы помочь донести воду хотя бы последние десять-пятнадцать метров.

Сейчас один из моих сверстников, один из тех мальчишек, Гена Погосян, стал председателем Степанакертского горисполкома. Между прочим, когда я узнал, что Гена стал Генрихом Андреевичем и мэром города, то вмиг почувствовал себя безвозвратно взрослым.

Кабинет Генриха просторный, скромно и со вкусом обставленный. После недолгих воспоминаний мы перешли на тему, ставшую, наверное, в этом кабинете притчей во языцех — о водопроводе.

Генрих, здесь уже правильнее будет сказать — Генрих Андреевич, поведал мне старинную историю. Заказчиком строительства степанакертского водопровода является Комитет водных ресурсов республики, а подрядчиком — евлахское СМУ того же комитета. Причем комитет находится в трехстах километрах от Степанакерта, а СМУ — в ста. Как тут не вспомнить восточную поговорку: «Откуда мне знать, что ты во сне хочешь пить?» Правда, связь у комитета и СМУ со Степанакертом есть. «Прорабский участок». Он так и называется, хотя в его штате один человек. Но самое удивительное то, что этому самому прорабскому участку положено вести строительство и монтаж оборудования, которого не могут заказать более десяти лет, то есть с тех пор, как началось строительство степанакертского водопровода.

В кабинете почему-то стало тесно. Наверное, оттого, что день выдался душный, а духота всегда давит, сковывает. Мы вышли в город.

Степанакерт, презрев затянувшуюся жажду, все-таки утопает в зелени. Здесь деревья, словно верблюды, привыкли к отсутствию воды. Да и подобраны они с умом, с учетом проблемы города. Различные виды кипариса и вечнозеленые, которых практически не встретишь в карабахских лесах. Говорят, посадил их какой-то русский. Здесь так и говорят «какой-то русский». Имя его неизвестно. Возможно, старожилы знают. Думается, что вездесущие красные следопыты сумеют установить имя этого творца добрых дел.

С Генрихом молча шли мы по улицам города. Они у нас очень красивые: неширокие и местами кроны деревьев с обеих сторон касаются друг друга, закрывая небо. А земля совсем сухая. Я смотрел на нее, исполосованную паутинообразными трещинами, и злился на Генриха, хотя знал, что возглавил он город совсем недавно. Генрих оказался откровеннее меня. Он свою мысль высказал вслух.

— Уезжаете из города навеки. Потом заглядываете сюда, как туристы, на отдых на недельку-другую, и вдруг в вас пробуждается заснувший патриотизм...

— Я же не виноват, что на моем пути встретилась Камчатка...

— Да я не о тебе лично, — тихо сказал Генрих.

Я знал, что он имел в виду и меня тоже. В самом деле, только и ждут в Степанакерте, особенно мальчишки, окончания школы. А потом, затосковав где-нибудь на краю света, пишут sentimentальные вирши, обращаясь к Карабаху: «Юность крылья подарила, улетел я, возмужал. Только знай, что мне могила на твоей земле нужна». А кому нужна твоя могила? Мертвые не могут проводить воду в город.

Конечно, воду в город проведут. После встречи с Генрихом я даже в этом несколько не сомневаюсь. Но ведь есть завтра и послезавтра. Есть грядущее. А в Карабахе нет таких, как на Камчатке, могучих пресноводных рек. Многочисленные родники, разбросанные по Карабаху, существуют в полном соответствии с законами природы. Живет лес — живет и родник. Равно как и жизнь леса зависит от жизни родника. И конечно, приехав в Карабах, я не мог не пойти в лес.

Здесь, в Карабахе, редко какое дерево не плодоносит. Знаменитый кизил, орехи всех сортов, яблоки, груши, сливы, виноград, черная и белая тута. Все они отличаются своей неприхотливостью. Карабахский лес не боится ни мороза, ни зноя. Он боится только одного — топора.

Согласен, что в лесу без топора тоже невозможно, как человечеству без скальпеля, саду без ножниц. Я имею в виду конечно не только применение инструмента в разумных пределах, но и тот отдаленный прогноз, который, если хотите, планируется врачом, садовником. Карабахский лес рубят без плана, рубят расточительно. Рубят так, словно наступает конец света и жизнь грядущих поколений никого уже не волнует. Несколько десятилетий назад здесь половина территории была покрыта лесом. Сейчас — треть. Сколько соответственно высохло родников, никто не считал.

Недалеко от Степанакерта в Длинка (так прозвали лес потому, что ходить пешком за дровами было долго, «длинно») у меня был любимый родник. Сколько я в детстве камней натаскал туда, все строил, создавал уют. Особенно усердствовал, когда пацаны однажды назвали этот родник моим именем. У взрослых, может, это было бы тщеславием, но у ребенка, я точно знаю, — гордостью.

Я с большим трудом обнаружил то место, где некогда под сенью могучего, многоствольного, как осьминог, кизила бился мой ключ, обложенный с трех сторон плоскими лесными камнями. Не было ни кизила, ни ключа. Я нашел несколько плоских, как диск, камней. Это были мои камни. А рядом одинокие чахлые деревья смотрели на меня.

Если хотя бы забрали все вырубленные деревья, а то ведь многие и по сей день лежат здесь как высохшие мумии. И добро бы, если бы высвобождали лес под строительные участки или пахотные земли. Ничего подобного. На горных склонах ничего не построишь, а пахотные земли находятся только в низинах. Лес идет на топливо. Так говорят лесничие. Но если бы они так говорили во времена моего детства, я бы еще поверил. Сейчас в Степанакерте нет ни одного дома, где бы не стояли газовые баллоны.

Я встречался с хлопкоробами республики. Многие из них низкий урожай хлопка объясняют усталостью земли, обезвоживанием земли, связанными с вырубкой леса. Пахотные земли. Земли орошаемые, поливные. Все они сами по себе существовать не могут. Их кормят и берегут лес и вода. И неизвестно, кто кого рождает.

В Карабахе вырубку леса начали с уничтожения тутовника. Сначала под видом борьбы с алкоголизмом, вернее, с самогонварением. Но, во-первых, в Карабахе не зарегистрировано ни одного алкоголика; во-вторых, нельзя бороться с самогонварением уничтожением, скажем, сахарной свеклы или пшеницы как сельскохозяйственной культуры.

Как мы, мальчишки и девчонки, в военное и особенно в послевоенное время ждали лета! В то голодное время вся карабахская детвора ждала лета, чтобы наестся от пуза знаменитой туды. Вблизи Степанакерта были раскинуты тутовые леса-сады, и каждый мальчишка имел свое «меченое» дерево. Величественные, сладко пахнущие тутовники ласково поглаживали наши голые тела шелковыми листьями и щедро потчевали нас сразу завтраком, обедом и ужином. Иногда казалось, что идет звонкая перекличка зеленого строя. Это громко разговаривали маленькие хозяева больших деревьев со своими соседями. Иногда какое-нибудь дерево истерически хохотало. Значит,

хозяин натешился. Хотя тутой наестся невозможно. В народе даже есть поверье: если насытился, значит, чем-то болен.

Хозяин дома, в чьем саду не растет тутовое дерево, обречен на неуважение соседей. Ибо речь идет о наполненных солнцем и медом янтарных ягодах, о бакмезе — варенье, которое лечит от любой хвори, о чамиче — сушеных ягодах, любимом кушанье детей, особенно зимой, о тутовке... Здесь надо пояснять. Собственно, всего несколько слов. Тутовку обычно пьют из самых маленьких рюмок, и пьют самые старые люди. Пьют, как правило, по утрам и, как правило, всего одну рюмку. Ну и, конечно, добавим, вернее, напомним, что живут наши старики долго, ходят чемпионами среди долгожителей планеты.

Тута — самое неприхотливое дерево. Его не поливают, за ним не ухаживают. Оно очень щедрое и какое-то нежное. Нежное своими гладкими листьями, грубое своими корнями, которые охраняют землю, оберегают родники. И еще тутовые деревья похожи чем-то на муравьев. Они живут и плодоносят сообща. Вырубили сад — чахнет сам по себе другой сад.

Есть такая пословица «ветер от камня ничего не возьмет». Помню, как просил я своего деда Маркоса объяснить мне ее. Оказалось, что ничего ценного не возьмешь с голого человека, ничего путного не услышишь от тертака.

А если без дедовских аллегорий?! Если в буквальном смысле?! Ветер от камня ничего не возьмет. А камней после вырубки леса становится больше. И ничего-то в самом деле от них не возьмешь. Ни воды, ни зерна. Зачем же опять сеять камни?